

Фокс Р.*

ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ФОНЕ НОРМАЛИЗАЦИИ ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 2010 Г.

С образованием в Польше в 2007 г. коалиционного правительства Гражданской Платформы и Польской Крестьянской Партии начала изменяться форма польской внешней политики в отношении России. Можно с полной ответственностью констатировать, что тогда был запущен процесс отстранения от власти «партии страха и войны» с Россией, которая существует в Польше и охватывает различные общественные круги, функционирующие не только в польской политике¹. Предыдущее правительство – Ярослава Качиньского – было настроено на ведение в отношениях с Москвой бескомпромиссной политики, которая характеризовалась, во всеобщем восприятии, историческими детерминантами и противостоянием т. наз. российскому неоимпериализму. В 2007 - 2010 годах эту линию продолжал покойный президент Лех Качиньски, который воспринимал польско-российские отношения через призму расхождений в интересах, существующих между Польшей и Россией, прежде всего – в области истории, геополитики, безопасности и энергетики.

Одним из главных политически конфликтующих разногласий между польским президентским центром и Кремлём было различное видение роли государств постсоветского пространства. Для окружения президента Качиньского существенное значение имело сохранение прозападного направления политического развития, прежде всего, в двух государствах: Украине и Грузии, которые назывались геополитическими стержнями польской политики безопасности, в особенности – энергетической. Вовлечённость Леха Качиньского в грузино-российский конфликт на стороне президента Саакашвили и участие в данной деятельности, в частности, президента Украины Виктора Ющенко, было поступком беспрецедентным, морально высоко ценным, но, *de facto*, в значительной степени охлаждающим и так проблемные российско-польские отношения.

К этому следует добавить конфликт полномочий, существовавший между правительством Д. Туска и президентом Л. Качиньским в сфере внешней политики, и касавшийся не только к политике в отношении России. Он дезориентировал польских союзников в Европейском Союзе и НАТО, а России облегчал осуществление её внешней политики в отношениях с Брюсселем. Вышеупомянутые факторы не позволяли выработать новую платформу польско-российского диалога, несмотря на, к примеру, возобновление в 2007 г. деятельности польско-российской Комиссии по трудным вопросам.

Между тем, Европейский Союз постепенно изменял подход к отношениям с Россией. После вступления в силу Лиссабонского договора, ведение восточной политики по принципу «единого европейского голоса» становится практикой и обретает всё больше сторонников. Восточная политика Германии (важнейшего игрока в европейской восточной политике), которая отошла от т. наз. «шрёдеровской» линии, также облегчила формирование нового подхода Польши к взаимоотношениям с Россией. Сочетание этих факторов

¹ R. Kuźniar, *Europejski problem Rosji*; Nowa Europa Wschodnia nr 6 z 2010 r.

* Фонд «Форум Восточной Политики», доктор

создало благотворную почву для нормализации отношений с Россией, которые, судя по действиям правительства ГП-ПКП, должны основываться прежде всего на прагматичной реализации общих интересов обеих стран и разрешении существенных проблем современности в соответствии со стандартами, адекватными для европейского пространства, к которому принадлежит Россия.

Россия, ввиду своего геополитического значения, размеров, экономического потенциала, военных возможностей, переплетения исторических судеб является для Польши одним из важнейших партнёров в глобальном измерении, а особенно – в регионе Восточной Европы. **Одним из важнейших, но не самым важным и не единственным!** Это важное утверждение. Оно отображает волю нынешних польских властей к построению отношений с государствами постсоветского пространства на основе принципа равноправного отношения к каждому из них, без проявлений политического протекционизма и политического догматизма. Следствием такого подхода является изменение политики польского правительства, как в отношениях с Украиной, так и с Россией, и большая консолидация восточной политики Европейского Союза, выражающаяся, в частности, в следующих политических процессах, осуществляемых с непосредственным участием Варшавы:

- инициировании и внедрении программы «Восточное Партнёрство»;
- нормализация польско-российских отношений;
- прогрессирующей прагматизации отношений между Польшей и Украиной;
- восстановлении политического партнёрства между Варшавой и Берлином после периода охлаждения во времена правления Права и Справедливости, что чрезвычайно важно для будущего польско-украинских отношений и отношений ЕС-Украина.

Прагматизация польско-украинских отношений.

Завершился период продвижения Польшей тезиса о необходимости включения Украины в европейские и евроатлантические интеграционные процессы любой ценой. Теперь действует иной подход: Украина (политические элиты государства и общество) должна сама добиваться участия в этих процессах; более того – должна доказать путём проведения конкретных реформ и системных преобразований, что её намерения истинны и искренни, а не являются лишь элементом политики балансирования между Россией и ЕС. Польша при этом жизненно и искренне заинтересована в поддержке европейских устремлений Украины. Такая позиция Варшавы тождественна стратегии Европейского Союза, выражаемой в Европейской Политике Соседства, Восточном Партнёрстве, переговорах о зоне свободной торговли с Украиной. Декларирование Варшавой поддержки европейских устремлений Украины является не просто политико-дипломатическим, ничего не значащим жестом, а вполне осязаемым политическим действием. Это подтверждает визит к президенту Януковичу польского министра иностранных дел Сикорского и его шведского коллеги министра Бильдта в ноябре 2010 г. Представленные тогда пропозиции инициаторов Восточного Партнёрства были конкретны и содержательны. Однако, в соответствии с тем, что написано выше, предложения, вносимые Польшей как членом и представителем Евросоюза (во второй половине 2011 г. Польша примет президентство в ЕС) – не самое важное. Важнее всего – то, что выберет Украина, и что сделает для того, чтобы воспользоваться представленным предложением. Конечно, следует предусмотреть и такую возможность, что Киев не воспользуется предложением. Такое случится, если декларации проведения коренных внутренних реформ, провозглашаемые нынешними украинскими властями, не будут претворены в жизнь. Но всё-таки следует ещё раз со всей

решительностью подчеркнуть, что это будет суверенный выбор Украины, который Варшава наверняка примет в атмосфере холодного политического расчёта.

Таким образом, прагматизация польской политики в отношении Украины будет состоять в развитии в рамках CFSP стабильных двухсторонних отношений, результатом которых станет взаимовыгодное сотрудничество во всех сферах жизни, и особенно – экономическое сотрудничество. Эти отношения, однако, нельзя будет охарактеризовать термином «стратегическое партнёрство», которое сейчас пребывает в стадии затухания, поскольку Польша и Украина следуют различными путями в своём политическом развитии. Польша целиком погружена в процессы европейской интеграции, а Украина вернулась к реализации, пока сложной для точного определения, концепции «внеблоковости» либо «балансирования» меж двух огней, коими являются Европейский Союз и Россия.

Приведёт ли нормализация польско-российских отношений к ослаблению отношений польско-украинских?

Вопреки поверхностному впечатлению, которое она производит, нынешняя политика Киева по отношению к Европейскому Союзу и Трансатлантическому сообществу может оказаться благоприятной с точки зрения процесса нормализации польско-российских отношений.

Во-первых, нынешняя ситуация – отход Украины от однозначно прозападного курса внешней политики, а также определение партнёрства с Россией как «безальтернативного»² – устраняет в России ощущение, что нарушаются её принципиальные интересы на постсоветском пространстве. Таким образом, значительно ослабляется польско-российский конфликт вокруг роли Украины в европейском политическом, экономическом и военном порядке.

Во-вторых, можно отважиться на предположение, что Варшава, по большому счёту, перестала в своей политике указывать на Украину как на государство, «европеизация» и включение в систему западных демократий которого является гарантией нейтрализации для Польши угрозы т. наз. «российского неоимпериализма». Вероятно, это – окончательный отход польской восточной политики от «Концепции УБЛ [Украина, Беларусь, Литва] Мерошевского и Гедройца», элементы которой действовали ещё в польской внешней политике в 2005-2007 годах, усиленные «оранжевой революцией», которую польские элиты восприняли с огромным энтузиазмом, проявив при этом заметную близорукость. Надежды, которые польские круги, связанные с формированием польской восточной политики, связывали с «оранжевой революцией», оказались преждевременными и свидетельствовали лишь о том, насколько слабо, даже из рук вон плохо разбирались они в политических процессах в Украине и специфике тамошних элит.

В-третьих – кажется, нынешние аниматоры польской восточной политики отлично понимают, что польская безопасность (в контексте отношений с Россией) зависит не столько от политических позиций, занимаемых Киевом, сколько от логично выстроенных и взаимовыгодных отношений между Россией и Европейским Союзом. Отсюда и стремление к выработке Польшей в Евросоюзе прочных позиций значительного и стабильного партнёра в формировании восточной политики ЕС. Для достижения такого положения и его удержания, Польша должна избавиться от имиджа «политического русофоба», что правительству Д. Туска и президенту Б. Коморовскому постепенно удаётся реализовать.

В-четвёртых, Польша будет стремиться к получению экономических выгод. Это утверждение можно префразировать следующим образом: «Политические отношения с Рос-

² Константин Грищенко, *Україна як загальноєвропейський чинник*, «Дзеркало Тижня», 15-21.01.2011.

сией следует нормализовать для того, чтобы динамизировать экономическое сотрудничество». Так с успехом поступает Германия, и Польша должна идти этим же путём. То же самое касается польской политики в отношении Украины: «Польша будет поддерживать европейские устремления Украины и её «европеизацию» не для того, чтобы уберечься от России, а чтобы легче было реализовать общие с Украиной интересы». Такая парафраза, быть может, звучит наивно, но она логична и убедительна, и, что самое важное, может сформировать иной взгляд на участие Украины в европейских интеграционных процессах среди российских политических элит.

Таким образом, можно предположить, что нормализация польско-российских отношений и их вписание в стратегию Европейского Союза может направить польско-украинские отношения на путь стабильности и политической последовательности. Это утверждение очень существенно, особенно если рассматривать его в контексте российских тенденций консолидации своей экономики с европейским экономическим пространством и усилий Москвы, направленных на запуск процесса внутренней модернизации. Заглядывая в перспективу, можно предположить, что на протяжении ближайшего десятилетия сложится огромная платформа всеевропейского сотрудничества, которая заставит осуществить, прежде всего, перестройку в российско-украинских отношениях, что станет импульсом для интенсификации сотрудничества Киева с Брюсселем, а тем самым – и с Варшавой.

Главная угроза польско-украинским отношениям, вытекающая из процесса нормализации польско-российских отношений.

Одной из важнейших угроз является возможный **тактический характер политики Москвы в отношении Варшавы**. Сейчас ещё нельзя с уверенностью сказать, имеет ли политическая позиция Москвы по вопросу нормализации отношений с Польшей стратегический, или только тактический характер. Это покажет время и успешность реализации совместных намерений. О тактическом характере, то есть непостоянстве позиции России по отношению к Польше, могут свидетельствовать следующие обстоятельства:

- Польша находится на пороге своего президентства в Европейском Союзе, и Россия не хочет в этот период иметь политических споров Варшавой;
- Польша является главным инициатором и реализатором Восточного Партнёрства – Россия хочет «мягко и элегантно» нейтрализовать воздействие этой программы на шестёрку государств, для которых она предназначена;
- Между Варшавой и Берлином наметилось существенное сближение, особенно в сфере восточной политики ЕС – возникла косвенная зависимость между российскими интересами относительно Германии и состоянием польско-российских отношений.

В пользу стратегического характера, то есть постоянства позиции России в отношении Польши, в принципе, могли бы говорить два обстоятельства:

- Россия хочет консолидировать свою экономику с экономическим пространством ЕС и поэтому нуждается в прочных и стабильных отношениях с Брюсселем, а поскольку Польша укрепляет свои позиции в ЕС, её нельзя игнорировать;
- Россия серьёзно задумывается о внутренней модернизации, что неминуемо предполагает имплементацию европейских стандартов в организации и функционировании государства.

Если политика России по отношению к Польше имеет только тактический характер, это значит, что российские элиты последовательно реализуют политику восстановления зоны влияния на постсоветском пространстве. В случае реализации такого сценария в бу-

душем, польско-украинские отношения будут ухудшаться в такой степени, в какой будет происходить сближение между Москвой и Киевом.

Три группы взаимного воздействия

Форма польско-украинских отношений и их развитие в краткосрочной перспективе (3-5 лет) будет зависеть от политических процессов, происходящих в трёх группах взаимного воздействия:

1. Германия – Польша – Россия;
2. Германия – Польша – Украина;
3. Россия – Украина – Польша;

Группа Германия – Польша – Россия

Отход в польской внешней политике после завершения периода правления Права и Справедливости от принципиальной критики немецко-российского стратегического партнерства, своеобразным геополитическим детерминантом которого для польских элит является строительство Nord Stream, способствовало возобновлению сближения между Варшавой и Берлином. В Польше, с одной стороны, оно подвергается резкой критике (особенно кругами Права и Справедливости), с другой – воспринимается с достаточно значительной долей безразличия. Обе эти позиции, по большому счёту, не имеют существенного значения (за исключением морального), поскольку Польша в принципе не располагает ни политическим потенциалом, ни экономическими инструментами, при помощи которых она могла бы влиять на состояние российско-немецкого партнёрства – например, воспротивиться строительству трубопровода по дну Балтийского моря.

Факт восстановления хороших отношений с Германией, которые выражаются, в частности, в оказании Берлином поддержки польско-шведской инициативе Восточного Партнёрства, повысил ценность Польши как партнёра в отношениях с Россией. Восточное Партнёрство является ныне одним из важнейших инструментов формирования польской политики по отношению к Украине (и другим государствам) – оно имеет статус, которого прежние польские инициативы в двухстороннем измерении отношений с Украиной не имели: является программой Европейского Союза, вписывающейся в стратегию CFSP. Такой статус приводит к тому, что с программой вынуждены считаться также россияне, и они не могут ее бесцеремонно торпедировать – это нарушило бы порядок в отношениях России с ЕС и, опосредованно, с Германией. Иначе говоря, очень хорошие отношения Польши с Германией и нормализация в польско-российских отношениях даёт возможность эффективного использования инструментов Восточного Партнёрства в формировании и развитии польско-украинских отношений, особенно в контексте нынешней политической действительности в Украине. Варшава надеется, что Восточное Партнёрство является тем инструментом, который придаст новый импульс в отношениях с Киевом, так как имеет реальное измерение – концептуальное, организационное и финансовое – а не только декларативное.

Сохранение «положительного политического равновесия» в обсуждаемой группе взаимного воздействия будет гарантом стабильного развития польско-украинских отношений, состояние которых будет в известной степени функцией этой системы и её роли в международной политике.

Группа Германия – Польша – Украина

В настоящее время Германия и Польша в состоянии сформулировать больше таких своих интересов относительно Украины, которые сближают эти государства, нежели

таких, которые вызывают у них взаимные противоречия. Это потенциально даёт возможность выработки трёхсторонней оси сотрудничества Берлин-Варшава-Киев. Такое сотрудничество, скорее всего, не встретило бы заметного сопротивления со стороны России, поскольку, в её понимании, была бы предотвращена угроза российским интересам в форме:

- потенциального членства Украины в НАТО;
- стремления Киева к определению Брюсселем перспективы членства в ЕС.

Польские постулаты скорейшего вовлечения Украины в европейские интеграционные процессы (членство в ЕС и НАТО) заменены на предложения оказания поддержки в проведении модернизации украинского государства на основе инструментов, стандартов и образцов Европейского Союза. Изменение реального подхода Польши к вопросам членства Украины в НАТО и ЕС, о чём уже говорилось выше, было положительно воспринято и в Киеве, и в Берлине, и в Москве, что должно создать более широкую платформу для польско-немецко-украинского сотрудничества. Сотрудничества, которое для Польши и Германии (а тем самым – и для ЕС) имеет целью распространение на территорию Украины европейских цивилизационных стандартов, что диаметрально отличается от восприятия такого сотрудничества Москвой как конкурентного политического проекта, целью которого является мнимый захват новой зоны влияния за счёт России.

Выше представлен потенциал группы Германия – Польша – Украина. Не подлежит сомнению, что нормализация польско-украинских отношений может привести к его увеличению, а быть может, в будущем – даже к его использованию. Условием такого развития событий будет то, какая ситуация сформируется в группе Россия – Украина – Польша.

Группа Россия – Украина – Польша

Политические процессы в группе Россия – Украина – Польша стабилизируются. Впервые, как уже подчёркивалось ранее, значительно ослаб польско-российский конфликт вокруг роли и места Украины в европейском порядке, усиление и острую фазу которого следует ассоциировать с «оранжевой революцией» и периодом правления президента Ющенко. Изменение политической действительности в Украине с переходом власти к лагерю президента Януковича ввело также и украинско-российские отношения в фазу стабилизации. В то же время Польша отреагировала на политические изменения в Украине (переход власти к лагерю президента Януковича) весьма спокойно. Польское правительство не приняло, например, в своей стратегии относительно Украины тезиса об однозначной пророссийскости властей в Киеве и решительном изменении ориентации украинской внешней политики. Оно по-прежнему сохраняет свою концепцию поддержки европейских устремлений Украины, придав ей более реальный характер и адаптировав её к протекающим там политическим, экономическим и социальным процессам.

На ситуацию в группе Россия – Украина – Польша, несомненно, будет оказывать влияние внутренняя политика России. Декларируемая президентом Медведевым воля модернизации страны в экономическом измерении должна будет привести и к изменениям в политической и социальной сфере. Тем самым Россия, даже под видом защиты своих национальных интересов на территории т. наз. «ближнего зарубежья», не сможет отказать Украине в праве участвовать в европейских интеграционных процессах, главной целью которых также будет внутренняя модернизация. Скорее всего, не имеют шансов на успех российские проекты (альтернативные евросоюзовским), предлагаемые Украине – такие, как, к примеру, предложения сотрудничества в рамках Общего Экономического Пространства.

Заслуживает внимания факт из области внешней политики Москвы. Во время визита в Берлин в ноябре 2010 г. премьер В.Путин предложил начать работу по созданию зоны свободной торговли между Россией и ЕС. Инициатива была тепло воспринята канцлером А. Меркель и другими европейскими лидерами. Если бы такой сценарий начал реализовываться, это полностью видоизменило бы значение российско-украинских, польско-российских и польско-украинских отношений.

Заключение

Польша не может руководствоваться в своей политике по отношению к России принципом недоверия. Хотя общая история обоих государств полна примеров отступничества и невыполнения договоров, современная политика и вызовы, стоящие перед европейским континентом – а значит, также и перед Россией – требуют применения механизмов, основанных на доверии. Поэтому нынешнее польское правительство и значительная часть общества положительно воспринимают декларации со стороны России. Многие польские политики и обычные люди чувствуют потребность в польско-российском примирении. Путь к достижению этой цели ещё очень далёк. И зависит он также, опосредованно, от состояния польско-украинских отношений.

В Польше есть множество сторонников восприятия России как «пожизненного врага». Ужасная трагедия, которая постигла Польшу – Смоленская Катастрофа, в которой погибла значительная часть политической элиты во главе с президентской четой – используется для подогревания таких настроений. Смоленская катастрофа стала своего рода показателем намерений обоих правительств – российского и польского. Если, несмотря на политические разногласия, накопившиеся вокруг этой трагедии, двери к нормализации польско-российских отношений останутся открытыми, это будет значить, что политическая воля обоих правительств подлинна, а установление добрососедских отношений – на расстоянии вытянутой руки.

Модернизационные устремления России, если они будут реализоваться в духе европейских стандартов – что является условием предоставления Западом инструментов модернизации – в значительной мере исключают продолжение реализации Москвой политики восстановления зоны влияния на постсоветском пространстве и внедрения концепции «русского мира». Открытым остаётся вопрос: готова ли уже российская элита к такому образу мышления? Если нет, это обернётся в будущем многочисленными проблемами в польско-украинских отношениях. Прочная нормализация польско-российских отношений стала бы подтверждением того, что международная политика в регионе Восточной Европы переходит в новое качество, и, тем самым, открываются новые возможности и для польско-украинских отношений.